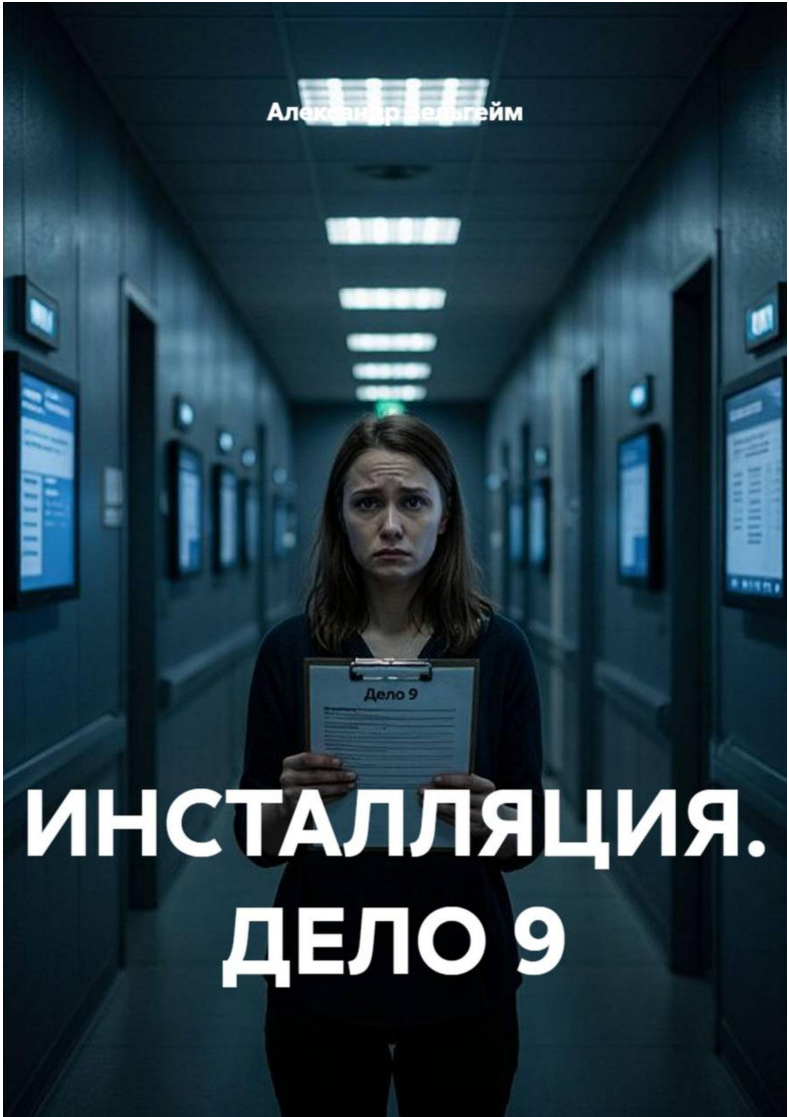

Александр Вельгейм
Дело 9
ИНСТАЛЛЯЦИЯ.
ДЕЛО 9

Александр Зельгейм
ИНСТАЛЛЯЦИЯ. ДЕЛО 9

https://litres.ru/74719523
SelfPub; 2026

Аннотация

«Ваш рейтинг — это ваша ценность. Пожалуйста, не сопротивляйтесь заботе».

В городе Кировск-9 всё работает идеально. Умные дома «заботятся» о жильцах, колл-центры решают проблемы, а школа воспитывает эффективных граждан. Но за фасадом этого порядка скрывается «Инсталляция» — древний эксперимент, превративший реальность в бездушную сеть.

Аудитор получает папку «Дело 9». Девять жалоб на системные сбои. Женщина, потерявшая мужа в очереди МФЦ. Парень, который сошёл с ума в колл-центре. Врач, наказанный за спасение человека. Учительница, у которой забрали сына. Погружаясь в их истории, Аудитор не замечает главного: его собственный рейтинг падает с каждым прочитанным делом. Он ищет сбой в системе. Но что, если сбой — это он сам?

«Инсталляция. Дело 9» — это мрачный роман в новеллах о том, как система убивает в людях живое, и о цене, которую приходится платить за право оставаться человеком.

Александр Зельгейм
ИНСТАЛЛЯЦИЯ. ДЕЛО 9

От автора

Эта книга не о том, как победить систему.

Победить систему нельзя. Система — это не злой гений в чёрном пальто. Это не тайное правительство. Это даже не искусственный интеллект. Система — это мы. Наши привычки. Наши страхи. Наше желание, чтобы кто-то другой решил за нас, как жить, кого любить, что чувствовать. Мы сами подписываем «Соглашение». Мы сами ставим галочки в графах. Мы сами нажимаем кнопку «Оптимизировать».

Я не против порядка. Порядок нужен. Без него мир превратится в хаос. Я против порядка, который убивает. Против систем, которые забыли, что они созданы для людей. А не наоборот.

Эта книга — о том, что случается, когда система решает, что человек — это ошибка. Сбой. Неэффективный файл, который нужно удалить. И о тех, кто всё равно остаётся человеком. Даже когда их вычёркивают из реестра. Даже когда у них больше нет рейтинга. Даже когда они становятся «ошибками».

Все персонажи вымышлены. Совпадения случайны. Рейтинги — нет.

Добро пожаловать в Кировск-9. Пожалуйста, не сопротив-

ляйтесь заботе. Забота о вас — наш приоритет.

Пролог

Город просыпался медленно.

Сначала загорались экраны на рекламных щитах. Яркие, улыбающиеся лица. «ВАШ РЕЙТИНГ — ЭТО ВАША ЦЕННОСТЬ». «БУДЬТЕ ПОЛЕЗНЫ. БУДЬТЕ УСТАНОВЛЕНЫ». Потом включались динамики на перекрёстках. Мягкий женский голос говорил: *«Доброе утро, Кировск-9. Ваш рейтинг обновлён. Пожалуйста, проверьте свои показатели»*.

Люди выходили из домов. Они не смотрели друг на друга. Они смотрели в телефоны. На экранах мигали цифры. У кого-то 8.2. У кого-то 5.1. У кого-то 2.3. Эти цифры решали всё. Где ты будешь стоять в очереди. Какой автобус тебя повезёт. Улыбнётся ли тебе бариста. Или вызовет охрану.

Город был серым. Не потому, что погода. Потому что цвет. Здесь давно перестали красить стены в яркие цвета. Это было «неэффективно». Фасады были вымытыми, как старая плёнка. Окна — занавешены. Люди — приглажены. Как волосы после дешёвого шампуня.

В центре города стояло здание. Огромное, серое, без вывески. Только цифра на двери: **«9»**. Внутри, в маленьком кабинете на втором этаже, сидел человек. В сером пальто. С серой папкой. На бирке было написано: **«Дело №9. Систем-**

ные сбои».

Аудитор — так его называли — открыл папку. Внутри лежали девять жалоб. Тонкие листы, исписанные мелким шрифтом. Он взял первый.

«Жалоба №1. Анна Соколова. МФЦ. Пропал муж. Прошу разобраться».

Он прочитал ещё раз. И ещё. И вдруг почувствовал, как в затылке, у самого основания черепа, что-то кольнуло. Холодно. Как будто кто-то приложил туда кубик льда.

Он поморщился. Потёр затылок. Отложил жалобу.

— Ладно, — сказал он вслух. — Начнём.

Повесть первая. ИНСТАНЦИЯ

1. Автобус

Автобус пах мокрой шерстью, дизелем и чужим потом.

Анна сидела у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу. За окном проплывали серые панельки, мокрые от дождя, с облупившейся краской. На балконах висело бельё, которое никто не снимал уже неделю. Люди ехали молча. Никто не смотрел в глаза.

Она держала в руках папку. Картонную, с завязками. Внутри лежали документы: свидетельство о браке, копия паспорта, справка из морга. Последняя была самой страшной. Тонкий лист с печатью, в котором сухим языком сообщалось, что её муж, Игорь Николаевич Соколов, 1982 года

рождения, умер 23 октября.

Инсульт. В очереди за хлебом.

Анна до сих пор не могла в это поверить. Игорь был большим. Не толстым — крепким. Он занимался спортом, бегал по утрам, поднимал тяжести. Он не мог просто взять и умереть. Но он умер. Прямо в супермаркете, между полкой с батонами и кассой.

Она вспомнила, как они познакомились. В университете. Он подошёл к ней в библиотеке и сказал: «У тебя ручка течёт». Она посмотрела на свою руку — и правда, течёт. Он засмеялся. Громко. Запрокинув голову. От этого смеха у неё внутри что-то перевернулось.

Теперь этого смеха не было. И Анна шла в МФЦ, чтобы получить справку, которая официально подтвердит: этого смеха больше не существует.

Автобус дёрнулся на повороте. Анна посмотрела на телефон. На экране висело сообщение от матери: «Ты подала на наследство? Не тяни. Пока не закрыто дело, ты не можешь ничего продать».

Анна закрыла сообщение. Убрала телефон в карман. На секунду ей показалось, что пальцы стали холодными. Как будто она только что подержала в руке кубик льда.

Она не придала этому значения.

2. Зал ожидания

МФЦ на улице Мира был похож на все МФЦ в мире.

Линолеум с потёртыми углами. Лампы дневного света, ко-

торые гудели на одной ноте. Очередь. Терминал с талончиками, который работал через раз. Мужчина в пуховике, спящий на стуле. Женщина в сером платке, которая смотрела в стену.

Анна взяла талон. На экране загорелась цифра **«47»**.

Она села на свободный стул. Стул был жёсткий, пластиковый, прикрученный к полу. Анна положила папку на колени. Закрыла глаза.

Она просидела так час. Потом два.

Табло не менялось. Оно горело красными цифрами: «Окно 5. Номер 13». И всё. Анна посмотрела на людей вокруг. Мужчина в пуховике так и не проснулся. Женщина в платке не моргала. Часы над входом шли. Стрелка перескочила с двух на три.

Анна встала. Подошла к окну №5.

За стеклом сидела женщина. Бейджик на груди гласил: **«Валентина. Специалист по установке»**. Она улыбалась. Это была не живая улыбка. Это была улыбка из рекламы — ровная, как линейка.

— Добрый день, — сказала Анна. — У меня талон 47. Табло зависло.

— Добрый день, — сказала Валентина. — Табло работает согласно регламенту. Ваш номер будет вызван в порядке очереди.

— В какой очереди? — Анна обернулась. — Здесь никого нет. Только эти... — она хотела сказать «люди», но слово

застряло в горле. — Они не двигаются.

— Они находятся в процессе, — сказала Валентина. — Пожалуйста, не отвлекайте сотрудников. Чем я могу вам помочь?

Анна сжала талон. Бумага хрустнула.

— Мне нужна справка о смерти. Соколов Игорь Николаевич. Умер 23 октября.

Валентина застучала по клавиатуре. Длинные ногти с белым лаком стучали громко, как костяшки по столу.

— Соколов Игорь Николаевич... — Валентина замерла. Улыбка не изменилась, но глаза на секунду стали пустыми. — Дело найдено. Но для выдачи справки о смерти вам необходимо заполнить форму 7-Б.

Она протянула в окошко бланк. Тонкий, серый, испещрённый мелкими графами.

— Хорошо, — Анна взяла бланк. — Дайте ручку.

— Для получения ручки вам необходимо заполнить форму 3-А, — сказала Валентина и протянула второй бланк.

Анна посмотрела на неё. Потом на бланк. Потом снова на Валентину.

— У меня есть своя ручка, — сказала она, доставая из сумки шариковую.

— Отлично, — улыбка Валентины стала чуть шире. — Приступим.

Анна отошла к столу у стены. Стол был обшарпанный, с выжженным кругом от чьей-то сигареты. Она положила фор-

му 7-Б и посмотрела на графы.

«1. ФИО установленного лица». Она вписала: *Соколов Игорь Николаевич*.

«2. Дата рождения». *14.05.1982*.

«3. Дата установки в системе». Анна замерла. Она не знала, что писать. Когда Игорь «установился»? Когда родился? Когда они познакомились? Когда он умер?

Она написала: *14.05.1982*.

И тут что-то произошло.

Она почувствовала, как в затылке, у самого основания черепа, стало холодно. Как будто кто-то приложил к коже кубик льда. Холод прошёл по позвоночнику, спустился в грудь и исчез.

Анна моргнула. Посмотрела на бланк. Всё было на месте. Она посмотрела на часы. Прошло две минуты.

Она продолжила заполнять.

«4. Степень родства». *Жена*.

«5. Степень эмоциональной привязанности». Анна нахмурилась. Что за странная графа? Она написала: *Высокая*.

И снова холод. На этот раз сильнее. Он ударил в виски, и на секунду Анна перестала слышать гул ламп. В ушах стояла вата.

Она попыталась вспомнить, как Игорь смеялся. У него был громкий, заразительный смех, от которого дрожали стёкла. Он всегда запрокидывал голову...

Анна замерла с ручкой в руке. Она не помнила, как он смеялся. Она знала, что он смеялся. Знала, что это было громко. Но звук исчез. Как будто кто-то вырезал кусок плёнки.

— Что за... — прошептала она.

Она посмотрела на соседний стол. Там сидел мужчина в очках. Он заполнял точно такой же серый бланк. Его рука двигалась быстро, механически. Анна увидела, как он поставил галочку в графе — и его лицо на секунду стало пустым, как у Валентины. Потом он моргнул и продолжил писать, как ни в чём не бывало.

Анна посмотрела на свою форму. Графа 6: **«Подтверждение отсутствия ошибок в деле»**.

Она не могла это подписать. Что-то внутри кричало, что делать этого нельзя. Она схватила бланк и вернулась к окну №5.

— Я не буду это заполнять, — сказала она. — Это какая-то ошибка. Мне нужна просто справка.

Валентина посмотрела на неё. Улыбка осталась, но голос стал тише, холоднее.

— Без формы 7-Б система не подтвердит смерть. Если система не подтвердит смерть, человек считается «в процессе». Вы хотите, чтобы ваш муж оставался в процессе?

— Где он? — Анна почувствовала, как к горлу подступает тошнота. — Где его тело?

— В архиве, — сказала Валентина. — Ожидает установки.

3. Женщина в платке

Анна отошла от окна. В зале по-прежнему никого не было, кроме неподвижных людей на стульях.

Она села на пол, прямо на холодный линолеум. Ей вдруг стало всё равно, кто на неё смотрит. Она смотрела на свои руки. На обручальное кольцо. Оно было на месте. Но имя мужа выветривалось из головы, как запах духов из пустой комнаты.

Игорь… Игорь… Игорь…

Она повторяла его имя, как мантру. Но с каждым разом оно звучало всё более чужим.

Рядом с ней на пол опустилась женщина. Та самая, в сером платке. Она держала в руках пустую картонную папку.

— Вы тоже? — спросила женщина. Голос у неё был тихий, надтреснутый.

— Что «тоже»? — Анна подняла на неё глаза.

— Ищете кого-то.

Анна кивнула.

— Мужа. Он умер. Мне нужна справка.

— А я ищу сына, — сказала женщина. — Он уехал пять лет назад. В другой город. Обещал писать. Не пишет. Я пришла узнать, жив ли он. А мне говорят: «Нет данных». Я говорю: «Как нет? Он же был». А они: «Был — это не документ. Принесите справку о том, что он был». А где мне её взять, если его нет?

Женщина замолчала. Потом добавила тише:

— Я здесь третий день. Каждый день мне дают новые формы. Я их заполняю. А утром оказывается, что формы были не те. И я начинаю заново. И я уже не помню, как его зовут. Сына. Помню, что был мальчик. А имя... как будто стёрли.

Анна посмотрела на неё. И вдруг поняла: эта женщина уже «в процессе». Её сын стёрт. Она сама стирается. Медленно, по графе, по строчке.

— Я не буду заполнять, — сказала Анна. — Я найду другой способ.

Женщина посмотрела на неё. В её глазах не было надежды. Только усталость.

— Другого способа нет, — сказала она. — Есть только формы.

4. Аудитор

Голос раздался прямо над ухом.

— Вы уверены, что он был установлен?

Анна вздрогнула. Подняла голову. Рядом с ней, на корточках, сидел мужчина. В сером пальто, которое было ему велико. В руках он держал серую папку с завязками. У него было усталое, обычное лицо. Такое лицо бывает у аудиторов, у ревизоров, у людей, которые проверяют чужие ошибки.

— Кто вы? — спросила Анна.

— Аудитор, — сказал он. — Проверяю жалобы на системные сбои.

Он открыл папку. Полистал. На страницах были не буквы, а какие-то графики и штрих-коды.

— Ваш муж... Игорь Николаевич. — Аудитор произнёс это имя так же безлико, как Валентина. — В системе он числится как «ошибка инсталляции». Он не был правильно оформлен при рождении. Не подписал соглашение. Не подтвердил свою функциональность.

— Он был человеком! — Анна хотела крикнуть, но голос сорвался на шёпот.

Аудитор посмотрел на неё. В его глазах не было жалости. Только усталость.

— В документах он числится как «ошибка», — повторил он мягко. — Мне жаль. Вам придётся его деинсталлировать. Как и себя.

— Что это значит?

— Это значит, что вы должны подписать заявление. Иначе вы оба останетесь в процессе. Навсегда.

Аудитор встал. Отряхнул пальто. И пошёл к выходу. Двери разъехались перед ним, выпустив на секунду струю холодного воздуха, и сомкнулись.

Анна осталась сидеть на полу. В руке она всё ещё сжимала серый бланк. Скомканный, потный.

Она посмотрела на графу «Степень эмоциональной привязанности». Там было написано «Высокая». И она уже не помнила, что это значит.

5. Подвал

Анна не помнила, как дошла до двери с надписью «Служебное помещение. Посторонним вход воспрещён». Помни-

ла только, как толкнула её. Как спустилась по лестнице, пахнущей сыростью и горячей пылью.

Внизу было темно. Только в конце коридора мигал красный огонёк. Анна пошла на него.

Коридор вывел её в большую комнату. В центре стоял старый сервер — огромный, чёрный, покрытый пылью. От него тянулись кабели. Толстые, как змеи, они уходили в стены, в потолок, в пол. Сервер гудел. Гул был низкий, вибрирующий. От него дрожали зубы.

Вдоль стен стояли стеллажи. На них лежали папки. Много папок. Тысячи. Анна подошла к одному из стеллажей. На корешке было написано: **«Соколов И. Н. Архив»**.

Она вытащила папку. Открыла. Внутри лежали фотографии. Игорь на пикнике. Игорь с удочкой. Игорь спит на диване. Анна смотрела на них и понимала, что не узнаёт его. Лицо было знакомым, но чужим. Как лицо актёра из старого фильма.

Она закрыла папку. Положила обратно.

Рядом с сервером стояло офисное кресло. В кресле сидела женщина.

Анна подошла ближе. Женщина была в её кофте. С её причёской. У неё было её лицо. Но глаза были пустые, как у манекена в витрине. На груди висел бейджик: **«Стажёр»**.

— Здравствуйте, — сказала женщина. Улыбнулась точно так же, как Валентина. — Ваш вопрос решён. Следующий.

Анна хотела закричать. Но не смогла. Она посмотрела на

свою руку. Кожа стала полупрозрачной. Сквозь неё были видны вены, но они были не красные, а серые, как провода.

— Что вы со мной сделали? — прошептала она.

Копия посмотрела на неё. На секунду в пустых глазах мелькнуло что-то похожее на узнавание. Или на страх.

— Я — обновлённая версия, — сказала копия. — Я не помню, как вас зовут. Я не помню, как звали его. Это не больно. Это просто тихо.

Анна почувствовала, как пол уходит из-под ног. Она посмотрела на сервер. На экране мигала строчка: **«Деинсталляция: 99%. Освобождение ресурсов...»**

Она попыталась вспомнить имя мужа. Игорь? Или Олег? Или... Она не помнила.

Она попыталась вспомнить, зачем пришла. Справка? Похороны? Или что-то ещё?

Она не помнила.

Последнее, что она почувствовала, — это холод. Тот самый холод в затылке. Он растёкся по всему телу, сделал её лёгкой, прозрачной. И исчез.

Копия за стеклом улыбнулась и поправила бейджик. В зале ожидания пискнуло табло. Цифры сменились: «Окно 5. Номер 47».

ИНТЕРЛЮДИЯ 1

Аудитор отложил жалобу Анны и посмотрел на часы. Был

час дня. Желудок урчал.

Он встал, надел серое пальто и вышел в коридор. Столовая находилась на первом этаже. Пахло варёной капустой и хлоркой. Аудитор подошёл к раздаче. Повариха — женщина с уставшим лицом и сеточкой для волос — посмотрела на его бейдж.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.